

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

**Научные тенденции:
Филология, Культурология,
Искусствоведение**

Сборник научных трудов

**по материалам
международной научной конференции**

26 октября 2016 г.

LJOURNAL.RU

Самара 2016

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение. Сборник научных трудов, по материалам международной научно-практической конференции 26 октября 2016 г. Часть 1 Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2016. - 28с.

SPLN 001-000001-0058-BH
DOI 10.18411/spc-26-10-2016
IDSP 000001:spc-26-10-2016

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0058-BH

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ	4
Алимова Д.Э., Шакурова Н.Р. Мир «своих» и «чужих»: сопоставительный анализ русских и английских пословиц и поговорок	4
Артемьева Н.С. Военная метафорика в современном российском медиадискурсе.....	7
Волосков И.В. Обоснование символического подхода к исследованию литературного процесса	10
Косырева М.С. Интернационализация терминологической лексики в глобальной коммуникации.....	15
Шилина Н.В. Особенности орфографии немецкого языка в средневерхненемецкий период.....	17
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	22
Якушенков С.Н. Другой/Чужой как герой	22
Якушенкова О.С. Телесные модификации как реакция на встречу с Чужим	25

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

Алимова Д.Э., Шакурова Н.Р.

Мир «своих» и «чужих»: сопоставительный анализ русских и английских пословиц и поговорок

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
(Россия, Чебоксары)

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-01

idsp: 000001:spc-26-10-2016-01

Опыт всемирной истории показывает нам извечное противостояние «своего» и «чужого», которая выражается в различных формах: война, борьба, столкновение, завоевательные походы, миграции и др. Оппозиция «свой – чужой» носит универсальный и вневременной характер. Оппозиция «свой – чужой» возникла на заре человечества и существует в культуре много тысячелетий. В современном обществе наблюдается обострение проблемы самоопределения человека. Обозначение границ «своего» происходит через осознание границ «чужого», и наоборот. Но в пространстве современной массовой культуры протекают процессы интеграции и глобализации, стирающие различия и особенности, тем самым размывая границу между «своим» и «чужим». При этом эти процессы порождают проблему сохранения народных культур и традиций, актуализируя значимость оппозиции «свой – чужой».

Также в современном мире наблюдается обострение международных отношений. Особую значимость проблема оппозиции «свой – чужой» приобретает в условиях локальных и гражданских войн, политических конфликтов, напряженных этно-социальных взаимодействий, межрелигиозных столкновений. Насыщенность современной реальности образами «своего» и «чужого», выраженная в названиях фильмов, книг, журналов, статей, а также активное использование образов «своего» и «чужого» в рекламной индустрии, ставит вопрос о необходимости теоретического осмысления оппозиции «свой – чужой» в контексте современности. Актуальность темы объясняется также необходимостью дальнейшего исследования оппозиции «свой – чужой» в условиях нарастания тенденций интеграции и плюрализма.

Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает связь этих народов, что общего между ними, и способствует лучшему взаимопониманию.

В русских поговорках (пословицах и поговорках) народ оказался центром, на котором оппозиция «свой-чужой» заострилась посредством субстантивизации. Пространство «своего» иерархично. Каждый его член должен подчиняться законам, социуму, должен выполнять определенные ритуалы, которых используют объединяющие все общество «своих». У русского народа «чужой» – это тот, кто отличается от своих, он неизвестный, неизученный, странный, враждебный, Свой свояка видит издалека; Свой со своим бранись, а чужой не мешай.

В английском языке нет особой формы притяжательного местоимения, соответствующей русскому местоимению «свой». Оно переводится одним из притяжательных местоимений: **my, mine, his, her, hers, its, your, himself** в зависимости от лица и числа подлежащего:

A bad workman blames his tools. – Плохой работник ругает **свои** инструменты.

Every country has its customs. – У каждой страны **свои** обычаи.

Cut off your nose to spite your face. – Отрежь **свой** нос, чтобы досадить лицу.

Every ass loves to hear himself bray. – Всякий осел **свой** рев слушать любит.

Часто вместе с притяжательными местоимениями используется прилагательное **own** [oun] (свой, собственный), которое усиливает значение местоимения:

*Every mother thinks **her own** gosling a swan.* – Всякая мать считает **своего** гусенка лебедем.

*A cock is valiant on **his own** dunghill.* – Петух храбр на **своей** навозной куче.

*Every bird likes **its own** nest.* – Всякая птица **свое** гнездо любит.

Во многих случаях притяжательные местоимения заменяются словом **one's** «некто» в притяжательном падеже:

*To take counsel of **one's** pillow.* – Советоваться со **своей** подушкой.

*To measure **other** people's corn by **one's own** bushel.* – Мерить **чужое** зерно **своим** бушелем.

В английских поговорках субстантивации подвергается только оппозитивная лексема с семантикой чуждости *other / another*. Она несет меньшую эмоциональную нагрузку, чем в русских, и в большинстве случаев обозначает не народ в целом, как противопоставленный чужой, враждебной силе, а другого человека (людей), в отличие от субъекта оппозиции «я», ср.: *He that flings dirt into another dirties himself most.* – Тот, кто бросает грязь на других людей, марает себя больше всех.

*To measure **another** man's foot by **one's own** last.* – Мерить **чужую** ногу на **собственную** колодку.

*To measure **other** people's corn by **one's own** bushel.* – Мерить **чужое** зерно **своим** бушелем.

В ходе анализа смысловых особенностей пословиц и поговорок с компонентами «свой / чужой» нами определены следующие тематические группы:

I. 1. Человек

В данной группе представлены пословицы, где «свой» означает – связанный родственными отношениями с кем-либо, а «чужой» – не близкий. Приведем примеры:

***Свой** своему поневоле друг.*

***Чужой** сын дурак – смех, а **свой** сын дурак – смерть (стыд).*

2. Имущество.

2.1. Принадлежность буквального имущества

Здесь представлены пословицы и поговорки, где «свой» имеет значение предмета, который является собственностью (имуществом или достоянием) и не принадлежит другому человеку.

Отношение человека к своей и чужой принадлежности неодинаково. «Свое» подразумевает разумность, экономичность, рациональность, стремление сохранить и приумножить то, что имеется. Примерами могут служить данные пословицы:

*A bad workman blames **his** tools.* – Плохой работник ругает **свои** инструменты.

*To measure **other** people's corn by **one's own** bushel.* – Мерить **чужое** зерно **своим** бушелем.

*Wash **your** dirty linen at home.* – Стирай **свое** грязное белье дома.

***Borrowed** garments never fit well.* – **Чужая** одежда никогда хорошо не сидит.

Примечание: слово «чужой» на английский язык может переводиться как «borrowed».

2.2. Принадлежность (манера, признак, свойство)

В этом разделе «свой» употребляется в значении «собственный», который характеризует свойство человека, манеру его поведения.

*A leopard cannot change **its** spots.* – Леопард не может сменить **свои** пятна.

*Cut off **your** nose to spite **your** face.* – Отрежь **свой** нос, чтобы досадить лицу.

*Every bird likes **its own** nest.* – Всякая птица **свое** гнездо любит.

3. Территория

«Свой» имеет значение какого-либо места, местности на земле, где человек чувствует себя уверенным и защищенным. В поговорках можно выделить следующее

отношение человека к родине и чужбине: нет роднее места, где ты родился; родина близка, чужбина враждебна и непредсказуема.

Every country has its customs. - У каждой страны **свои** обычаи.

A cock is valiant on his own dunghill. - Петух храбр на **своей** навозной куче.

Все, что происходит дома, не должно становится достоянием посторонних, например: **Не выноси сора из избы** (ср. в англ. *To wash one's dirty linen in public*, букв. *Стирать свое грязное белье на людях*, *To tell tales out of school*, букв. *Рассказывать истории за стенами школы*, *Wash your dirty linen at home*, букв. *Стирай свое грязное белье дома*, *It is an ill bird that fouls its own nest*, букв. *Плохая та птица, которая пачкает свое гнездо*); **Свой со своим бранись, а чужой не вяжись** (ср. в англ. *Put not your hand between the bark and the tree*, букв. *Не суй свою руку между деревом и корой*);

Свой дом люби, но о том не кричи (ср. в англ. *A man may love his house well without riding on the ridge*, букв. *Можно любить свой дом и не сидя на крыше*) и др.

4. Состояние

В данной группе представлены пословицы и поговорки, где они отображают состояние человека. Чужие невзгоды и беды кажутся незначительными по сравнению со своими.

Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло нейдет.

Чужую беду руками (бобами, на бобах) разведа, а к своей и ума не приложу.

1. Дело

Чужое дело – это те действия, которые может совершать посредник, действуя в чужом интересе. Свое дело – это деятельность, отражающая уникальные способности человека.

У всякого Ермишки свои делишки.

Всяк сам на себя хлеба добывает.

2. Отношение

Данная оппозиция выступает одним из основных критериев классификации отношений к другим людям; задает параметры межличностных и межгрупповых отношений, определяет систему взаимодействия с другими людьми.

Every mother thinks her own gosling a swan. - Всякая мать считает **своего** гусенка лебедем.

To measure another man's foot by one's own last. - Мерить **чужую** ногу на собственную колодку.

3. Ум

Чужой ум – это заимствование каких-либо соображений других людей, использование их идеи. Умный человек - это человек, умеющий думать, пользующийся своей головой и имеющий для этого необходимые предметные знания.

На свой ум не надейся, а за чужой не держись!

Чужим умом не будешь умен.

II. Отношение к своему и чужому.

Отношение к своему и чужому - это один из показателей культуры поведения. «Свое», какое бы оно ни было, всегда лучше, а «чужое» – хуже.

За свое постою, а чужое не возьму.

В чужую жену черт мед кладет, в свою уксусу подливает.

Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло нейдет.

III. «Человек» = чужой, не свой.

В данной группе человек имеет значение как чужой, не родной. Ему приписываются отрицательное свойство, отрицательное восприятие. «Чужой» - это посторонний человек, не связанный родственными отношениями или же имеющий взгляды, убеждения и интересы, противоречащие собственным.

Borrowed garments never fit well. - **Чужая** одежда никогда хорошо не сидит.

Таким образом, в центре оппозиции «свой» – «чужой» всегда находится человек, рассматривающий все окружающее его пространство, людей и предметы в нем, с позиции принадлежности себе, близости, значимости для себя, либо удаленности от «своего мира» – «чуждости». Противопоставление «свой» – «чужой» является универсальным и широко представлено в русских, и английских поговорках. Однако как в русском, так и в английском языках проявление оппозиции «свой» - «чужой» имеет свою особенность: в английских поговорках оппозиция «свой-чужой» вербализуется при помощи притяжательного падежа (существительное's + существительное) – так проявляется семантика обладания, принадлежности. В русском языке такая грамматическая категория отсутствует.

Список используемых источников информации

1. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва : Рус. язык, 1991. – 534 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1989.
3. Дубровин, М. И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях / М. И. Дубровин. – Москва : Просвещение, 1995. – 349 с.

Артемьева Н.С.

Военная метафорика в современном российском медиадискурсе

*Забайкальский государственный университет
(Россия, Чита)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-02

idsp: 000001:spc-26-10-2016-02

Метафора является тем средством, с помощью которого в процессе мыслительной деятельности в сознании индивидуума явления окружающего мира не только отражаются, но и осмысляются с проведением параллелей и аналогий, а также приобретают модальность, оценочность и верификацию картины окружающего его мира [1].

Современный этап развития лингвистики характеризуется возросшим интересом к функционированию метафор в различных сферах общения, что особенно ярко представлено в современном медиадискурсе. Метафоры в публицистических текстах активно и продуктивно применяются как средство речевой выразительности, увеличивая информативную ценность и образность сообщения с помощью ассоциаций, вызываемых переносным употреблением слова[3]. Метафоры участвуют в выполнении важнейших функций публицистики - убеждения и эмоционального воздействия на адресата.

Многие языковеды (А. П. Чудинов, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Н.С. Воронова и др.) отмечают высокую частотность военной метафорики в современных средствах массовой информации [1; 2; 3; 4]. Наши наблюдения также показывают, что в современных газетных текстах, освещающих различные сферы человеческой деятельности (сферу политики, экономики, спорта, культуры, медицины), наиболее частотными являются «военные» метафоры. Это во многом определено историей нашей страны, ее богатым военным опытом, а также изменениями, произошедшими в стране за последние десятилетия и повлекшими за собой ряд кардинальных перемен в государственном строе, политике, экономике, культуре и в жизненном устройстве людей. Данная метафора, несущая в себе негативный, воинствующий потенциал, способна агрессивно воздействовать на мышление читателя и манипулировать его сознанием.

Анализ современных публицистических текстов показал, что «военная» группа метафор встречается достаточно часто в текстах разной тематики. Приведём некоторые примеры.

Метафора «*ревани*» - данная метафора используется в значении «отплата за поражение, попытка взять верх над прежним победителем». Пример из текста на тему политики: *А проигравшие на выборах, в отличие от сталинской эпохи, сохраняют возможности для политического **реваниша*** (АиФ, №2, 2012). Пример из текста на тему экономики: *«Зеленый» возьмет **реваниш*** (КП, 10.01.13).

Метафора «*мишень*». Данная метафора используется в значении «предмет преследования, нападок, насмешек» и встречается в текстах на тему политики: *Назначенный «генеральным командующим» организации Абдельазиз Рактиси назвал израильского премьера Ариэля Шарона «главной **мишенью**»* (Изв., 26.03.12); *...ты волей-неволей превращаешься в главную **мишень** для критических дротиков...* (Там же). В текстах на тему медицины данная метафора обозначает цель (организм, вирус) для поражения. *Тогда многие непривитые дети переболели из-за низкой циркуляции вируса... Сегодня они повзрослели и стали основной **мишенью** вируса...* (КП, 25.03.12); *Для того, чтобы препарат признали противовирусным, надо детально изучить, на какие «**мишени**» - структуры вируса - он воздействует* (КП, 16.12.12).

Метафора «*прицел*». Фактический материал исследования показал привязанность данной метафоры к теме культуры в составе словосочетания «*под прицелом камер*»: *Практически все взрослые, попавшие под **прицел** камер, просматривая телепрограммы, что-то жевали!* (КП, 10.02.12); *А повторения истории «Последнего героя-3» (когда прямо под **прицелом** камер подрались Дана Борисова и Татьяна Догилева) не хотелось* (Изв., 25.03.11); *Его фламенко — танец эпохи глянца и гламура, в дорогих костюмах от Армани и под постоянным **прицелом** папарацци...* (Изв., 25.03.13).

Метафора «*дуэль*». Данная метафора имеет значение «борьба, состязание двух сторон». В современных газетных материалах метафора *дуэль* весьма популярна в текстах на политическую тему, приобретая при этом агрессивный оттенок использования, а также в текстах на тему спорта: *Тогда, когда будем знать имя лидера демократов, это будет **дуэль** в Интернете один на один, как в прямом эфире* (Изв., 05.12.11); *Споры вокруг Киотского протокола все больше походят на яростную **дуэль*** (Изв., 13.09.11); *...устроили настоящие партийные **дуэли**...* (АиФ, №14, 2012); *За полтора месяца до матча претендентов на шахматную корону между Каспаровым и Пономаревым «КП» стали известны любопытные подробности «**дуэли**» века* (КП, 18.07.11); *Какие шансы на Европу в **дуэли** с Бараевым?* (КП, 04.02.11).

Метафора «*убить*». Данная метафора имеет значение «уничтожить, погубить, разрушить». Является характерной для текстов на тему экономики и культуры. Например: *Интернет **убивает** не только книгу, но и музеи* (АиФ, №48, 2013). Другие примеры: *Один покойный великий поэт, услышав мои стихи, сказал: «Музыка **убивает** твои стихи». То есть без музыки стихи читаются лучше* (АиФ, №7, 2013); *Художник ...не пошла по пути контраста, чтобы не «**убивать**» хореографию* (АиФ, №11, 2013); *...часы неизвестных марок, нелегально ввезенные из Азии и продаваемые на оптовых рынках, просто **убивают** рынок низшей ценовой категории* (Изв., 09.12.13).

Метафора «*руины*». Данная метафора употребляется в значении «полный крах чего-либо». Образ руин оказался актуальным для текстов на тему сельского хозяйства и политики: *...нужно вложить в сельское хозяйство средства, поднять его из **руин*** (АиФ, №7, 2013); *Мы верим, что можем встретить год не в **руинах**, не резервацией отсталости и нищеты, воющей по минувшей славе, а в облике новой, настоящей сверхдержавы!* (АиФ, №46, 2012); *...Путин руководит строительством капиталистического общества на **руинах** социализма* (АиФ, №44, 2011).

Метафора «*накрыть*». У военных понятие «*накрыть*» означает «поразить цель огнем бомбовых ударов». В газетных текстах это слово приобретает переосмысленное значение «развитие, проявление чего-либо с большей силой». Как и многие военные образы, данная метафора имеет мощную силу воздействия на читателя. Эффективно используется авторами в текстах на экономическую тему: *Хватит ли этих денег, если нас снова «накроет» кризис?* (КП, 14.03.13); *Следующий год для России будет очень тяжелым экономически. Россию может накрыть дефолт...* (КП, 13.01.11).

Метафора «*захват*». Данная метафора является ярким и наглядным образом, передающим нравы, сложившиеся в сфере большого бизнеса: *Захват бизнеса стал формой развития* - заголовок (Изв., 25.03.12); *...команда Ходорковского работала на захват «контрольного пакета» голосов* (АиФ, №45, 2013).

Метафора «*разгрести завалы*». Эта метафора встречается в текстах на тему политики и армии, имеет значение «сложные этапы реформирования»: *Власть фактически постоянно должна была разгрести текущие завалы...* (АиФ, №7, 2012); *В конце прошлого года на одном из совещаний в военном ведомстве Владимир Путин заявил: этап реформирования Вооруженных сил закончен. Однако самое сложное только начинается - этап «разгребания завалов», начинается строительство новой армии* (Изв., 30.03.12).

Метафора «*пороховая бочка*». Данное выражение используется в переносном значении, если речь идет о чем-то, грозящем неожиданной бедой, катастрофой, и является традиционным в газетных текстах, освещающих национальные конфликты, хотя, как показывают наблюдения, становится востребованным и в текстах иной тематической направленности (например, в текстах на тему экономики). *События во Франции показали, что «упакованная», благополучная Европа давно сидит на пороховой бочке* (АиФ, №2, 2012); *Сегодня, когда Россия вынуждена усиливать свое присутствие на Кавказе, охраняя свою государственность в Чечне и Дагестане, Азербайджану необходимо найти реальный путь к решению проблемы освобождения своей территории и определению карабахского статуса. Очевидно, что руководство и элита стран «кавказской четверки» представляют всю сложность и бесперспективность силового решения в такой пороховой бочке на Юге Европы* (Изв., 25.03.11); *Сейчас экономика любого региона похожа на пороховую бочку* (КП, 05.12.12).

Метафора «*мина*». Переосмысленное военное понятие «*мина*» (взрывной снаряд) несет в текстах большую эмоциональную нагрузку, обозначая крайне напряженную, опасную, чреватую плохими результатами ситуацию в обществе. Встречается в текстах на тему политики и экономики: *...ближайшая историческая эпоха все равно принадлежит не нам, не либералам; это время бюрократического центризма, который неизбежно подорвется на многочисленных социально-экономических минах* (Изв., 16.12.11); *На коррупционных минах подрывается не только экономика* (АиФ, №43, 2013).

Метафоры «*разведчик*», «*разведка*». Данные военные понятия оказались востребованными в текстах на тему экономики: *Можете рассказать, с чего начинается рабочий день главного финансового разведчика?* (КП, 12.03.13); *40% операций, о которых «Инвестрасчет» должен был сообщить в финразведку, он утаил* (Там же).

Метафоры «*бомбардировка*», «*бомбежка*». Данные метафоры, являясь достаточно новыми на страницах печати, привязаны к теме политики: *Помните, с чего начинались экономические чудеса Японии и западной Германии? С ковровых бомбардировок американских «летающих крепостей». Они растерли в пыль и сожгли прежнюю промышленность.* (АиФ, №46, 2012); *Вот и мы переживаем свои «ковровые бомбежки» - в виде развала СССР и опустошительных «реформ» 1990-х годов* (Там же).

Метафора «победоносное шествие». Данное метафорическое сочетание имеет утвердительно позитивный потенциал. На «фоне» множества негативных военных образов это выражение может способствовать эмоционально-позитивному восприятию текста читателем. В нашем материале это примеры из текстов на тему экономики: *В том году большинство граждан Швеции в выходные отказались вступить в еврозону, прервав победоносное шествие новой валюты по Европе* (Изв., 16.09.11); *Основной проблемой, мешающей победоносному шествию лизинга по российским просторам, специалисты считают отсутствие на рынке «длинных денег»* (Изв., 23.03.11).

Итак, стало достаточно привычным, что внутривнутриполитическая жизнь страны стойко ассоциируется с полем брани, где происходят «нешуточные» битвы, бои и баталии. В условиях нестабильной экономики «ведение войны» - это способ выживания в периоды кризисов и экономических потрясений.

«Воинствующие» метафоры в медиатекстах различной направленности имеют свои особенности, но это не умаляет силы их эмоционально-агрессивного воздействия на читателя и соответствующего его отношения к сложившейся ситуации в данной сфере.

Таким образом, военные метафоры отражают сложившуюся ситуацию в различных сферах человеческой деятельности: в сфере политики, экономики, спорта, культуры, медицины. Многие из военных метафор содержат в себе негативную оценку и способны агрессивно воздействовать на читательскую аудиторию. Высокая частотность военных метафор в текстах различной тематики неизбежно ведет к утрате образности, актуальности метафорических выражений, а также негативному их воздействию на сознание читателя.

Список используемых источников информации

1. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафористики (взаимоотношения бизнеса и власти, коррупция). М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. 84 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., Наука, Флинта, 2006. 254 с.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Волосков И.В.

Обоснование символического подхода к исследованию литературного процесса

*НОУ ВПО Национальный гуманитарный институт социального управления
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-03

idsp: 000001:spc-26-10-2016-03

Аннотация.

В статье рассматривается процесс символизации художественного слова в литературном тексте. Процесс символизации неразрывно связан с метафоризацией, многозначностью художественного слова. Символ в художественном тексте является как отражением условности литературы, так и проявлением мировоззрения автора, идейных и эстетических правил доминирующих литературных направлений.

Abstract

The article examines the process of symbolization of artistic expression in the literary text. The process of symbolization is inextricably linked with the metaphor, polysemy of artistic expression. Symbol in a literary text is a reflection of the conventions of literature, as well as a manifestation of the author's worldview, ideological and aesthetic rules of the dominant literary trends.

Символический подход к исследованию литературного процесса является реакцией современной теории литературы на поиск принципиально новых подходов к исследованию литературной традиции. Длительное доминирование в советском литературоведении марксистско-социологического подхода игнорировало многие аспекты литературной традиции, связанной с символическим социокультурным содержанием. Значимость символа как способа организации литературной традиции определяется образностью литературы как способа отражения мира, ее условность, а потому и символичность. Восприятие художественного мира и общества в литературной традиции пропущено через художественный образ, мировоззрение автора, систему авторских идеологем, а также через идейные и эстетические правила создания произведения литературы, существующие в рамках определенного литературного направления. Преломление окружающего мира и общества, исторических личностей в художественном мире произведения и порождает художественную условность. В случае, если художественность нельзя трактовать однозначно, возникает символизм. Таких неоднозначных символов в русской литературе XIX века предостаточно: образ грозы в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, немая сцена в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», образ Руси-тройки в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», звук лопнувшей струны в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад». В литературе XX века в условиях утверждения символизма как литературного направления таких символов стало еще больше. Символизм, с одной стороны, отражает идеологемы автора, специфику его мировоззрения, с другой стороны, опирается на эстетические правила доминирующего литературного направления. И, наконец, символ может быть отражением нейтральной позиции автора, его нежеланием отдавать предпочтение определенным героям. Такова позиция А.П. Чехова в пьесе «Вишневый сад», М. Горького в пьесе «На дне», М. Шолохова в романе «Тихий Дон». Неопределенность авторской позиции порождает символизм и литературоведческие споры вокруг позиции автора.

Особый интерес в рамках обоснования символического подхода в исследовании литературного процесса представляет процесс символизации в литературном произведении, связанный с художественным словом, взаимодействии лексической многозначности, метафоричности и художественной образности. По своей природе художественное слово многозначно, полифункционально, не всегда сводимо к определенному смыслу, оно при взаимодействии с контекстом порождает многоплановое семантическое поле, эмоционально воздействует на читателя. Русская философская традиция воспринимает художественное слово как логос, процесс творения мира. На философскую природу слова указывает Н.В. Гоголь в статье «О том, что такое слово». Первый аспект слова – его божественная природа. В божественном слове «дышит святость» и это делает его носителем, провозвестником истины. Однако природа слова не только евангельская, слово имеет и магическую природу. В силу того, что слово просветляет человека и весь мир, в нем заложена потенция к перестройке человека и мира на божественных началах. Потому свою художественную задачу Гоголь видит в том, что воздействовать на мир эстетическими средствами. Он желает, чтобы слово участвовало в сотворении мира и человека, становилась источником духовного развития и совершенствования человека.

О магической силе и божественном происхождении слова говорит и Н. Гумилев, поэт серебряного века:

«В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,

И, как пчелы, в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова».

Слово в художественном тексте многозначно, ситуативно, не сводимо к одному значению, создает дополнительный эффект сосуществования разных смыслов, порождает мощные ассоциативные и лексические поля, состоящие из текста, контекста, подтекста. В конкретных обстоятельствах и на конкретного читателя эти составляющие оказывают различное по силе психоэмоциональное влияние. Слово в художественном тексте беспредельно расширяет свое семантическое поле, порождая контекст (смысл, полученный из текстового окружения), подтекст (смысл, спрятанный в глубинах произведения и не выводимый на формальном уровне). Все эти многоаспектные связи слова, наращивание смысла, которое исходит и от взаимодействия с культурологическими и литературными традициями, и от различной эмоциональной окраски, и ассоциаций, образов, которые порождает каждое слово в сознании автора и читателя, создают феномен художественного слова. Иначе говоря, на лексическое поле слова влияет ряд факторов: личность автора, его опыт, душевные переживания, мировоззренческие ориентиры, «модель» художественного мира, культурные влияния.

Художественный текст, таким образом, выступая как система художественного слова, становится моделью мира. Более того, искусство – это и есть параллельный мир. Каким образом слово порождает художественный образ? Задействованы здесь только рациональные механизмы конструирования художественного мира, или содержание все же вторично и идея вытекает из уже законченного текста?

Творчество синтезирует рациональный и иррациональный способ познания мира. В силу этой синтетичности появляются два разнонаправленных познавательных вектора в художественном тексте. Рациональный аспект, делающий ставку на значение, отражен в метафоре, иррациональный, пытающийся уловить трансцендентные смыслы – в символе. Несмотря на различия в ориентации на рациональное – иррациональное в основе метафоры и символа лежит образ, структура которого создается из взаимодействия двух разных планов – плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого). Отсюда два разнонаправленных вектора развития образности, значение образа (метафора) и его форма (символ). [1]

Нельзя сказать, что в основе метафоры лежит исключительно разум, рациональное конструирование смысла. По мысли П. Риккера [3], в создание метафорического смысла воображение играет существенную роль. Сущность этого процесса в том, что из руин буквального значения, опирающегося на обыденные значения слов, на основе подобия возникают принципиально новые предикативные значения. И здесь метафора и символ вновь пересекаются, поскольку метафора базируется на неких архитипических символах определенной культуры. В западной культуре, например, ценится время. Его ресурсы связываются с понятием труда и стоимости. Западный человек относится к времени как к ограниченному ресурсу, имеющему стоимость. Отсюда возникают метафоры время – деньги, время – цена, время – товар. Так метафоры, концентрируясь вокруг определенного мифа, создают систему метафорических понятий.

Каким образом метафора творит художественный образ? Разберем на примере метафоры «ЧЕЛОВЕК – ЭТО ВОЛК». В основе метафоры заложена сходство поведения, характера человека с волком. Первое слово можно назвать рамкой метафоры, второе – фокусом, центром метафорического смысла. Для его расшифровки читателю необходимо знать значение слова «волк» и употреблять его в буквальном смысле. У представителей одной культуры представление о волках будет примерно одинаковым, поскольку при расшифровке значения мы опираемся на мифы. Когда человек европейской культуры произносит слово волк, то понимает «свирепое, вероломное животное». И использование в метафоре слова волк состоит в актуализации системы общепринятых ассоциаций. Волк вызывает страх и ненависть. В сознании творца волк

может вызывать другие ассоциации. Например, у Г. Гессе волк ассоциируется с одиночеством («Степной волк»). В культурах, где верят, что душа человека после смерти переселяется в волка, отношение к нему будет принципиально другое. Так метафора, апеллируя к системе общепринятых ассоциаций, включает читателя в процесс творчества, расшифровки метафоры, создает художественный образ, разрушая старую систему значений и создает за счет сопоставления разных понятий и объектов новое значение. Однако в отличие от символа метафора стремится к четкости значения. Это достигается путем оперирования системой общепринятых ассоциаций, обращение к общепринятым символам культуры.

В основе символа лежит тоже сходство. Например, у древних кипарис был символом смерти. Но в отличие от метафоры, символ не стремится к определенности значения, а только «намекает» на него. Символ указывает на некий предмет, дает возможность сделать выводы о нем. В отличие от метафоры, символ стремится к обобщению, созданию значимых смыслов. В древнерусской литературе, например, таким символом становится Христос и библейские герои. Для житий князей и святых важны параллели Христос- человек, библейский герой- человек. Символ представляет собой такую смысловую общность, которая охватывает множество частных предметов. Так, тройка в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» дает обобщенный образ России. Тут Гоголь мыслит и огромную мощь страны, и ее быстрый, непредсказуемый прогресс, и превосходство над другими странами, таинственность цели. И все же символ несет в себе загадку. (Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа.) Однако, несмотря на свою загадочную природу, символ имеет идею. Так, пир в маленькой трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы» становится символом жизни, бунта против предопределенности судьбы. Этот бунт нарушает общепринятые нормы и культурные традиции. И хотя этой идеей не ограничивается семантика символа, при интерпретации она будет определяющей. Такая связь символа с идеей превращает его в модель, акцентирующую внимание на определенный аспект предмета. Символ требует для себя не просто значения, а определяющего, которое бы обобщало идейное содержание произведения (символ Христа в житиях). По мысли А.Ф. Лосева, символ создает модель произведения. «Модель художественного произведения должна быть такова, чтобы она разливалась по всему художественному произведению, обнимала и обвивала его в виде некоего идейно-художественного, смыслового потока. И символ возможен только при условии его моделирующего функционирования», - замечает А.Ф. Лосев.[2, с.130] Справедливо отмеченная особенность символа превращает его в ядро произведения, носителя основного философского смысла, подчиняющего себе систему художественных образов и языковые средства. В символе модель художественного произведения дается с максимальной интенсивностью, в нем происходит не просто формирование идеи произведения, но его пропаганда и агитация.

Символ по неопределенности своего содержания максимально связан с мифом. А.А. Потебня рассматривает миф как начало эволюции духовности языка. Христос, его образ жизни, проповеди, чудесные деяния, страдания становятся мифом. Вот почему в евангелиях учеников- апостолов образ Христа, содержание его проповедей различно. Но этот миф в древнерусской литературе определяет восприятия образа жизни, характеров русских князей и святых. Появление сложных и многогранных символов приводит к мифологизации художественного произведения. Например, образ Петра Ів «Медном всаднике» и «Полтаве» становится не просто символом, а мифом, определяющим восприятия царя. Пушкин наполняет этот образ столь глубоким содержанием, что, кажется, готов поверить в существование созданного им образа Петра. Символы-мифы, концентрируя весь смысловой потенциал художественного текста, насыщены огромной социально-исторической и социально-политической силой. Таким символом является образ грозы в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Одни исследователи считают, что гроза – наказание глуповцам за их

терпение, социальную пассивность, участие в реализации реформ градоначальников, другие считают грозу воплощением жизни, прогресса, который стирает на своем пути все старое, потерявшее социальный смысл. Православное понимание грозы приближает ее к религиозному пониманию истории и символике Божьего суда. Примером такого социального символа может быть и образ города в произведениях Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова.

Каким же образом слово превращается в символ? Как происходит процесс символизации? Психологические и культурологические теории возникновения и развития культуры связывают рождение символов со способностью человека к абстрагированию, созданию абстрактных смыслов, образов, значений. Слово как языковой знак вступает во взаимодействие с другими знаками. Каждое слово влияет на целостную текстовую структуру, вносит в нее дополнительные элементы значения. Потому прав А.Ф. Лосев, говоря о том, что «всякий знак приобретает свою полноценную значимость только в контексте других знаков. Свой реальный смысл каждое слово получает в связи с теми или другими контекстами, которых может быть бесконечное множество» [2, с.123-124]. И бесконечность смыслов задает смысловое окружение, выраженное в словах-знаках языка.

Таким образом, если попытаться обобщить систему художественных средств в тексте, то необходимо отметить, что слово в тексте вступает в тесную связь с определенными контекстами, которых может быть множество. С помощью контекста между словами устанавливаются определенные смысловые связи. Суть метафоры состоит в том, что она не только связывает слова в текст, но и онтологически соединяет в одном мире отдельные части бытия. Метафора в этом случае рациональна, поскольку отношения возникают на основании сходства формы, предназначения, свойств. Примером рациональности могут быть метафоры крыло птицы-крыло самолета, человек-волк (свойства), человек-медведь, человек-лиса. Если метафора теряет свою рациональность, становится многозначной и до конца не раскрывает свой смысл, она превращается в символ. Важно отметить, что символ возникает в том случае, если значение образа, метафоры полностью не раскрывается, или предполагает многозначность. В символе, как было отмечено ранее, кристаллизуется авторская идея, художественно моделируется и пропагандируется мировоззрение автора. Недостаток символа, как художественного средства, в том, что в его семантике много мистического, загадочного, не поддающегося рациональному объяснению. А потому символ открыт для многочисленных трактовок, здесь читатель, автор включается в процесс творчества, превращаясь в сотворца, интерпретирующего художественное произведение, завершающего процесс художественного моделирования. Специфика православной традиции в словесности проявляется в обилии символики, интерпретацию событий через систему базовых символов, которые выступают как призма для восприятия реальности.

Символ непосредственно связан с художественным миром произведения, моделирует его. На формирование модели непосредственно влияют три группы факторов [1]:

1) Социальные факторы: эпоха, в которую творит художник, социальная принадлежность творца, степень участия в общественно-политической борьбе эпохи;

2) Психологический фактор: темперамент художника, система ценностей, а также особенности жизненного опыта. Так, например, переживание смерти, по мысли М. Хайдеггера, становится значимым во внутреннем мире творца и отражается в художественном мире произведений. Художественный опыт Гоголя, Толстого, Достоевского показывает, что встреча со смертью способствует усилению религиозного начала в творчестве. Для Достоевского после встречи со смертью становится важным психологическое наблюдение борьбы Бога и дьявола в душе

человека, для Толстого- стремление к абсолютным этическим ценностям, для Гоголя- религиозное служение.

3) Культурный фактор как система культурных влияний и заимствований. Каждый творец ориентируется на традиции своей эпохи, опыт предшественников, достижения мировой культуры.

В литературных произведениях символы не только способствуют формированию художественного мира, но и отражают позицию творца. В зависимости от того, насколько автор пытается «навязать» авторское видение мира выделяют два вида моделирования:

- Косвенное, когда читатель включен в сотворчество, завершает ответы на те вопросы, которые волнуют творца. Примером такого моделирования может быть символ «ОНО» в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина;

-прямое, когда читатель исключается из творческого процесса, а художественный мир произведения превращается не только в отражение авторской позиции, но и в пропаганду ее. В данном виде моделирования автор пытается «навязать» читателю определенное восприятие его художественного мира.

Таким образом, обобщая особенности функции символа в литературном произведении необходимо отметить, что кристаллизует художественный мир, задает спектр преломления в нем природного и социального бытия, устанавливает определенные отношения с читателем. Более того, литературное произведение, с одной стороны опирается на определенную литературную традицию, но, с другой стороны, уникальность созданных символов может породить новые литературные традиции.

Список используемых источников информации

1. Волосков, И.В. Художественное творчество как социодуховный процесс.-М.: НИЦ Инженер, 2004.- 100с.
2. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство.-М., 1976.
3. Риккерт, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение// Теория метафоры. - М., 1990

Косырева М.С.

Интернационализация терминологической лексики в глобальной коммуникации

*Сибирский институт управления филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Новосибирск)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-04

idsp: 000001:spc-26-10-2016-04

Терминосистемы ключевых отраслей жизнедеятельности человечества традиционно представляют особый интерес для интерлингвистики. Термин с его стремлением к однозначности имеет больше оснований для сохранения значения в диалоге культур при переходе слова из одного языка в другой. Поэтому в современной глобальной коммуникации интернационализация (и даже глобализация) терминологической лексики имеет ряд специфических особенностей.

Каждая терминологическая система является автономным пластом лексики языка. При этом важно отметить, что образование термина на базе общеупотребительного слова может рассматриваться не как переосмысление, а как заимствование слова. Кроме того, сам термин в глазах неспециалистов уподобляется иностранному слову, по меньшей мере – экзотизму. Выражаемые терминами научные понятия по самой своей природе стремятся к интернациональности, так как именно в тех областях человеческой деятельности, к которым относятся термины, наиболее широко осуществляются международные контакты. Кроме того, в стилистическом

плане термины в пределах своего подъязыка стремятся к однородности и экспрессивной нейтральности.

В русском языке терминология занимает более обособленное место, чем, например, в английском или французском языках. Давно отмечено, что русский язык применяет разные лексемы в обиходной речи и терминологии там, где английский употребляют одну лексему [1]. При этом используются собственные словообразовательные возможности русского языка, а также сказывается более высокий процент заимствованных слов в русской терминологии сравнительно с общеупотребительной лексикой. Определенное срастание терминологии с общим словарем языка неизбежно сказывается на семантике терминов.

Как известно, связь терминов, в том числе интернациональных, с лексикой общего значения может быть различной: одни термины распространяются так широко, что уже не осознаются как собственно термины (например, кандидат, депутат, поэма, драма, астрономия, физика), другие имеют явно специальный характер, но известны массам образованных носителей языка (например, ассимиляция, функция, аргумент, де-факто), третьи известны лишь специалистам (например, лингвистам: агглютинация, интерференция, аорист, диссимиляция). Чем уже среда распространения термина, тем точнее его употребление и тем в большей степени значение его выражает понятие собственно научное, а не бытовое, общенародное [3, с. 72]. Как правило, при этом нарастает и интернациональность выражаемых терминами понятий.

Степень интернациональности, а также потенциальной глобальности значений терминов связана с их принадлежностью к тому или иному типу, а также с историей и состоянием терминологии в каждой отдельной области человеческой деятельности. Общепринятой является следующая классификация терминов:

а) официально-деловые термины, выражающие социально обусловленные, точно определенные законами, договорами или общественной практикой понятия официально-делового общения;

б) научные термины, выражающие научные понятия о более общих явлениях и закономерностях объективного мира;

в) технические (в широком смысле слова) термины, дающие точные наименования типичных предметов, процессов или явлений в определенной области специальной деятельности, науки или техники. К ним примыкает и техническая номенклатура, отличающаяся не предметно-логическими, а назывными значениями и отсутствием системности;

г) общественно-политические термины, выражающие точные научные понятия общественно-политической жизни и входящие в состав систем аналогичных терминов. К ним примыкает общественно-политическая лексика, используемая в неспециальном употреблении и отличающаяся тем, что передает общенародные понятия о явлениях социально-политической жизни [2].

В системах научных и технических терминов упорядоченность обычно недостаточна (за исключением, пожалуй, химической, медицинской и математической терминосистем). Это проявляется в диффузности и определенной неуточненности части понятий, несоответствии терминов понятиям, многозначности терминов, отсутствии должной системности в их построении, в синонимии и омонимии в пределах терминологических систем. В глобальной коммуникации интернациональные термины сложно перемежаются с национально-специфическими, хотя в целом тяготение представителей науки и техники к интернационализмам не вызывает сомнений.

Национальная и международная нетождественность и неупорядоченность понятий, отсутствие координации в построении терминов могут приводить к неполной соотносительности. Положение оказывается несколько лучшим в относительно новых областях науки и техники (например, в компьютерной технике), понятия и термины которых распространились во многих странах почти одновременно, и более сложным в

старых областях, особенно в гуманитарных науках с их традиционной приблизительностью и недостаточной международной координацией ряда понятий. В данном отношении особенно опасны и трудно устранимы такие терминологические расхождения, когда различные понятия, соответствующие данному термину, могут представляться совпадающими на практике, но по сути относятся к разным явлениям.

Семантическая соотносительность интернациональных терминов в сфере официально-делового общения также не всегда последовательна. Она наиболее выдержана в области дипломатической терминологии. Дипломатическая документация не только особенно богата интернационализмами, но и является ярким образцом соответствий стилистики во многих языках. Зато нередки понятийно-семантические расхождения в области терминологии права.

Особенно серьезные расхождения понятийно-семантического характера наблюдаются в области общественно-политической терминологии. Ближайшие значения и здесь нередко оказываются в той или иной степени соотносительными, и такие слова приводятся в двуязычных словарях как переводные эквиваленты друг друга, но значения (совпадение которых для подлинно эквивалентных терминов необходимо) могут значительно различаться.

Таким образом, семантические расхождения терминов могут усугубляться различиями в культурных коннотациях и оценочных окрасках. Поэтому семантико-стилистическое соответствие интернационализмов отнюдь не всегда бывает полным, что в общем не мешает их отождествлению в ситуациях соприкосновения и сопоставления языков. Этим обусловлено более динамичное пополнение класса глобализмов [4] в современной межкультурной коммуникации именно за счет терминов.

Список используемых источников информации

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во ХГУ, 1972.
2. Антонова М.В. Функциональный статус терминов в различных сферах их употребления // Термины в научной и учебной литературе. Горький, 1989. С. 54–61.
3. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: «Гылым», 1990.
4. Косырева М.С. Глобализмы в русском языке. М.: Юнити-Дана, 2016.

Шилина Н.В.

Особенности орфографии немецкого языка в средневерхненемецкий период

*Академия ФСИИ России
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-05

idsp: 000001:spc-26-10-2016-05

К 12 в. завершается процесс формирования феодальных государств на территории Европы. В социально-экономическом отношении 12 -14 вв. в Германии – это эпоха развитого феодализма. Феодальная Германия представляла собой к этому времени конгломерат поместий-государств, иерархически подчиненных одно другому и в значительной степени независимых от центральной власти императора Священной Римской империи, основанной Оттоном I в 962 г.

В характере функционирования языка происходят значительные изменения:

1) Несмотря на господство в письменности латинского языка, сфера применения письменного немецкого языка неуклонно расширяются, развиваются новые жанры письменной речи;

2) В связи с этим в рамках отдельных областей Германии продолжают развиваться областные варианты литературного языка;

3) Существенно изменяется и сам состав диалектов, границы их распространения и характер различий между ними.

Как отмечает Н.С. Колотилова, немецкий язык постепенно вытесняет латынь, хотя латинский язык остается языком науки. Немецкий языковед Карл Лахман, один из основателей германской филологии, признавал существование общего языка в средневерхненемецкий период. По мнению Лахмана, язык этот сложился на алеманской основе. Поэты периода расцвета ориентировались на этот язык, отказываясь от употребления резких местных особенностей, непонятных за пределами их родного говора.

Но существуют и другие точки зрения. Например, М.М. Гухман отмечает, что 12 век не создал в Германии единой нормы литературного языка. Однако М.М. Гухман не отрицает и существования общего языка народности, усматривая это единство в общности грамматического строя и лексического состава, в общности важнейших внутренних законов развития, которая объединяла все диалекты этого языка.

Для отображения на письме звуков немецкого языка в средневерхненемецкий период, как и в древневерхненемецкий период, использовался латинский алфавит. Однако, по мнению Н.И. Филичевой, к обычным буквам латинского алфавита добавлялись особые знаки, отвечающие потребностям графического закрепления немецкой фонетической системы.

Рассмотрим некоторые особенности орфографии в средневерхненемецкий период на примерах письменных памятников середины XII века «Spervogel» и «Parzival».

Spervogel

I

Ein wolf sine sunde vlôch,
in ein klôster er sich zôch;
er wolde geistlîchen leben.
dô hiez man in der schâfe pflegen.
Sît wart er unstâte.
dô beiz er schâf unde swîn: er jah daz ez des pfaffen rude tâte.

II

Mich hungerte harte.
Ich steic in einen garten.
Dâ was obez innen:
Des mohte ich nith gewinnen.
Daz kom von unheile.
Dicke wegite ich den ast: mir wart des obezes nie niht ze teile.

Для средневерхненемецкого периода характерно написание слов в начале предложения с заглавной буквы,

например: Ein wolf sine sunde vlôch; Mich hungerte harte.; Dâ was obez innen:
Des mohte ich nith gewinnen.; Daz kom von unheile.

Графически отображен процесс редукции гласных в безударной позиции; на письме долгие и краткие фонемы перешли в е [ə] или исчезли совсем.

Например: свн. sine [sinə] – совр.н. sein [zaen], свн. leben [lebən] – совр.н. Leben [lebən], свн. schâfe [ʃa:fə] совр.н. Schaf [ʃaf], свн. rude [rudə], свн. gewinnen [gəvinən] – совр.н. gewinnen [gəvinən].

Для обозначения дифтонга ei использовалось буквосочетание ei ,
например: двн. ein [ein] – свн. ein [ein] – совр.н. ein [aen], свн. geistlichen [geistliçən] – совр.н. geistlich [gaestliç], свн. beiz [beis] – совр.н. beißen [baesən], свн. teil [teil] – совр.н. Teil [tael].

Для обозначения долготы гласных применяли специальный знак – циркумфлекс ^ ,

например: vlôch, klôster, zôch, dô, schâfe, swîn, sît, tâte.

Для обозначения новой фонемы [ʃ] применяли буквосочетание sch, например: свн. schâfe [ʃafə] – совр.н. Schaf [ʃaf], свн. steic [ʃteik] – совр.н. steigen [ʃtaegən].

По свидетельству О.И. Москальской средневерхненемецкий язык имеет в начале слова в сочетаниях sp, st звук [ʃ], но в орфографии сохранилось прежнее написание: steic [ʃtaek].

Возможны следующие варианты написания звука [k] c,k,ck, например: свн. klôster [klostəʁ] – совр.н. Kloster [klostəʁ], свн. kom[kom] – совр.н. komm [kom]; свн. dicke[dikə] – совр.н. dick [dik].

Буква v является графическим вариантом буквы f, которая передает звук [f], например: свн. vlôch [flox] – совр.н. floch [flox], свн. wolf [volf] – совр.н. Wolf [volf], свн. pfaffen [pfafən] – совр.н. Pfaffe [pfafə], свн. schafe [ʃafə] – совр.н. Schaf [ʃaf], свн. von [fon] – совр.н. von [fon].

Для передачи на письме звука [s] использовали s, z, например: свн. sine [sinə] – совр.н. sein [zaen], sunde [sundə], свн. kloster [klostəʁ] – совр.н. Kloster [klostəʁ], свн. ez [es] – совр.н. es [es], свн. daz [das] – совр.н. das [das].

Буквосочетание ch обозначает среднеязычное [ç], например: ich [iç], mich [miç], geistlichen [gaestliçən]; заднеязычное [x], например: свн. vlôch [flox] – совр.н. floch [flox], свн. zoch [tsox] – совр.н. zog [tsok].

В начале слова фонема z передает звук [ts]: zoch [tsox].

Аффриката [pf] обозначалась на письме pf и ph, например: свн. pflegen [pflegən] – совр.н. pflegen [pflegən], свн. pfaffen [pfafən] – совр.н. Pfaffe [pfafə].

Буква h служит для обозначения двух разных звуков:

звук [h] в начале слога или слова: hiez [his], hungerte [hungertə], harte [hartə], unheile [unhaelə]

звук [x] в конце слога или слова: jah [jax], mohte [moxtə].

Для средневерхненемецкого периода характерно написание слов в начале предложения с заглавной буквы, появление новой фонемы, которая обозначалась буквосочетанием sch, появление редуцированной [ə], которая на письме обозначается буквой e, обозначение долготы гласных специальным знаком – циркумфлексом.

Проанализируем свн. литературный памятник “Parzival”, который написан на баварском диалекте в первой четверти 12 века Вольфрамом фон Эшенбах. В работе представлен современный текст “Parzival”.

Свн. текст Современный текст

Ist zwîvel herzen nâchgebûr,
daz muoz der sêle werden sûr,
gesmæhet unde gezieret
ist, swâ sich parriert
unverzaget mannes muot,
als agelstern varwe tuot.
der mac dennoch wesen geil:
wande an im sint beidiu teil,
des himels und der helle.
der unstæte geselle
hât die swarzen varwe gar
und wirt ouch nâch der vinster var:
sô habet sich an die blanken
der mit stæten gedanken.

Wo Zweifel nah dem Herzen wohnt,
Das wird der Seele schlimm gelohnt.
Geziert ist und zugleich entstellt,
Wo Verzagtheit sich gesellt
Zu des kühnen Mannes Preis
Wie bei der Elster schwarz und weiß.
Der mag gleichwohl fröhlich sein
Himmel oder Höllenschlund.
Wer Untreu hegt in Herzensgrund
Wird schwarzer Farbe ganz und gar
Und trägt sich nach der finstern Schar;
Doch fest hält an der blanken
Der mit stetigen Gedanken.

Проследим особенности орфографии баварского диалекта в свн. период.

Примечательно, что существительные пишутся с маленькой буквы. Только в начале предложения с заглавной буквы.

Например, *Ist zwi̇vel herzen nâchgebûr*.

На основе представленного литературного произведения, отметим, что нашла свое отражение редукция гласных в безударной позиции. На письме безударные гласные перешли в е [ə], либо исчезли совсем.

Например, свн. *zwi̇vel* [tswifəl] – совр.н. *Zweifel* [tsvaefəl]; свн. *herzen* [xertsən] – совр.н. *Herzen* [xertsən]; свн. *sele* [zɛlə] – совр.н. *Seele* [ze:lə], свн. *varwe* [farwə] – совр.н. *Farbe* [farbə].

Буквой *z* обозначали звук [ts],

Например, свн. *zwi̇vel* [tswi:fəl] – совр.н. *Zweifel* [tsvaefəl]; свн. *herzen* [hertsən] – совр.н. *Herzen* [heirtsən]; свн. *gez̄ieret* [getsierət]; свн. *unverzaget* [unfertsagət] – совр.н. *unverzagt* [unfertsakt]; свн. *swarzen* [ʃwartzən] – совр.н. *schwarz* [ʃvarts].

Звук [s] на письме передается буквами *s* и *z*,

Например, свн. *daẏ* [das] – совр.н. *dass* [das], свн. *muoz* – совр.н. *muss* [mus], свн. *mannes* – совр.н. *desMannes* [manəs], свн. *agelstern* – совр.н. *Elster* [ɛlstək], свн. *vinster* – совр.н. *Finstern* [finstək].

Для обозначения *ü* применяли буквосочетание *iu*,

Например, свн. *beidiu* [beidy] – совр.н. *beide* [baedə].

Долгота гласных обозначалась знаком циркумфлекс,

Например, свн. *zwi̇vel* [tswi:fəl] – совр.н. *Zweifel* [tsvaefəl]; свн. *nâchgebûr* [na:xgɛbu:r] – совр.н. *Nachgeburt* [naχgəbuɪt]; свн. *sêle* [ze:lə] – совр.н. *Seele* [ze:lə], свн. *nâch* [na:x] – совр.н. *nach* [naχ], свн. *sô* [zo:] – совр.н. *so* [zoː].

В свн. период появилась новая фонема [ʃ], которая на письме получила следующие варианты отображения, например, сочетаниями букв *sw* [ʃw], *sm* [ʃm] и *st* [ʃt]:

Например, свн. *gesmæhet* [gəʃmehət] – совр.н. *geschmachtet* [gəʃmaxtət], свн. *swarzen* [ʃwartzən] – совр.н. *schwarzen* [ʃvartzən], свн. *stæten* [ʃtətən] – совр.н. *stätig* [ʃte:tiç], свн. *unstæte* [unʃtətə] – совр.н. *Unstäte* [unʃte:tiç].

Буква *æ* соответствует в современном немецком языке букве *ä*,

например, свн. *stæten* [ʃtətən] – совр.н. *stätig* [ʃte:tiç], свн. *unstæte* [unʃtətə] – совр.н. *Unstäte* [unʃte:tiç].

Буквами *s* и *k* передается звук [k],

Например, свн. *mac* [mak] совр.н. *mag* [mak], свн. *blanken* [blankən] – совр.н. *blanken* [blankən], свн. *gedanken* [gɛdankən] – совр.н. *Gedanken* [gɛdankən].

Буква *v* передает звук [f],

Например, свн. *varwe* [farwə] – совр.н. *Farbe* [farbə], свн. *vinster* [finster] - совр.н. *finster* [finstək], свн. *var* [far] – совр.н. *Fahrt* [fa:rt].

Важно подчеркнуть, что *ie* обозначает не долгое *i*, а буквосочетание *ie*.

Например, свн. *gez̄ieret* [gətsierət] – совр.н. *geziert* [gətsi:ɪt], свн. *parrieret* [parierət] – совр.н. *parieren* [pa:ri:kən],

В свн. период имелись следующие дифтонги: *ei* [ei], *ou* [ou],

Например, свн. *geil* [geil] – совр.н. *geil* [gael], свн. *beidiu* [beidy] – совр.н. *beide* [baedə], свн. *teil* [teil] – совр.н. *Teil* [tael], *ouch* [oux].

Буква *h* служит для обозначения звука [h] в начале слога или слова. Например, свн. *herzen* [hertsən] – совр.н. *Herzen* [heirtsən]; свн. *gesmæhet* [gəʃmehət] – совр.н. *geschmachtet* [gəʃmaxtət], свн. *himels* [himels] - совр.н. *Himmel* [himəl], свн. *helle* [hɛlə] – совр.н. *Hölle* [hœlə], свн. *hât* [ha:t] – совр.н. *hat* [hat].

Ch обозначает среднеязычное [ç],

например: свн. *sich* [siç] – совр.н. *sich* [ziç];

заднеязычное [x],

например: свн. nâchgebûr [na:xgebû:r] – совр.н. Nachgeburt [naχgəbuɪt]; свн. dennoch [dɛnoχ] – совр.н. dennoch [dɛnoχ], свн. ouch [oux] – совр.н. auch [aox], свн. nâch [na:x] – совр.н. nach [naχ].

Особенностями орфографии баварского диалекта в свн. период является написание слов с заглавной буквы в начале предложения, буква z передает на письме разные звуки [ts] и [s], появление новой фонемы [ʃ], которая на письме передается буквосочетанием sch, применяют букву v для передачи звука [f].

Список используемых источников информации

1. Арсеньева М.Г. Введение в германскую филологию/ М.Г. Арсеньева. – М.: Высшая школа, 1998 – 286 с.
2. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого языка. IX – XV вв. М. – Изд. Наука, 1983 – 199 с.
3. Колотилова Н.С. История немецкого языка./Учебное пособие. - Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – 180 с.
4. Москальская О.И. История немецкого языка = Deutsche Sprachgeschichte: уч. для студ. лингв. вузов/ О.И. Москальская. – 2-е изд., стер. – М. «Академия», 2006 – 288 с.
5. Филичева Н.И. История немецкого языка. М.: Академия, 2003 – 304 с.
6. Sprengel / Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., доп. – М.: Высшая школа, 1978 – 288 с.
7. Parzival. Wolfram von Eschenbach: <http://www.wissen-im-netz.info/literatur/esch/parzival/>

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Якушенков С.Н.
Другой/Чужой как герой

*Астраханский государственный университет
(Россия, Астрахань)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-06

idsp: 000001:spc-26-10-2016-06

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ 15-03-00402 «а» Чужой/Другой в
меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации*

Вопросы гносеологии и онтологии Другого/Чужого являются одними из сложных в гуманитарных науках. Современное общество, как российское, так и западное в очередной раз оказалось перед лицом сложной дилеммы встречи с Чужим/Другим, столкнувшись с ним не где-то там, за пределами своей территории, как было в колониальный период существования цивилизации, а рядом со своим домом, на своей территории. И эта встреча не является результатом военного вторжения Чужого, а сложным процессом, когда Чужой или Другой постепенно «просачивается» и в разной степени интегрируется в принимающее общество. И конечно сложно представить какое-то однородное моноэтническое общество, однако, в предыдущий период в истории существования многих государств эта встреча с Чужим не была столь драматичной, как сейчас, если конечно не брать во внимание военные конфликты. При всей сложности взаимодействия с другими народами в Российской истории было масса примеров, когда другие народы постепенно инкорпорировались в большой русский этнос, становясь неотъемлемой его частью.

В то же время был возможен и обратный процесс, когда русские переселенцы в Сибири постепенно меняли свой образ жизни, переходя на традиции, культуру и язык местных народов [3]. Правда, подобный российский опыт вряд ли можно считать уникальным. Еще основатель фронтирной теории Ф. Дж. Тернер писал, что «Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронта на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспособливается к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадется по индейским тропам. Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, – это не старая Европа, не просто развитие германских вирусов... Дело в том, что появляется новый, американский продукт» [2, с. 15]. Ему вторит известный американский писатель Вашингтон Ирвинг (1783-1859), который также не понаслышке был знаком с жизнью на фронтире и которого по праву называют отцом американской литературы: «Белые бродяги, смешивающиеся за какое-то время с дикарями, неизменно склонны принимать привычки дикарей; но особенно это справедливо для свободных трапперов. Для них вопрос честолюбия и самолюбования отбросить все, что может нести на себе печать цивилизованной жизни и перенять манеры, привычки, одежду, жест, и даже походку индейца.

Вы не можете сделать свободному трапперу больший комплимент, чем заявить ему, что вы приняли его за индейского воина; и, по правде говоря, спутать легко. Его волосы, несколько пострадавшие от попытки достичь максимальной длины, тщательно расчесаны, и либо небрежно спадают на плечи, либо аккуратно заплетены и завязаны шкурками выдры или пестрыми лентами. Охотничья рубашка, с воланами из яркого ситца, или орнаментированной кожей, ниспадает до колен; ниже которых виднеются, красиво сделанные легинсы, украшенные завязками, бахромой и обилием ястребиных колокольчиков; все это дополняют дорогие мокасины из тончайшей индийской ткани, богато расшитые бисером. Одежда алого или другого яркого цвета, свисающего с плеч, подвязано на поясе красным кушаком, к которому он прикрепил своих пистолеты, нож, и индейскую трубку; полностью готовый либо к миру, либо к войне. Его ружье богато орнаментировано бронзовыми гвоздиками и киноварью и снабжено чехлом из оленьей кожи с бахромой, декорированной тут и там перьями» [7, с. 49-50].

Эта удивительная культурная трансформация переселенцев, как реакция на встречу с иной природой и Чужим, является универсальным явлением, за которым скрываются мощные адаптационные стимулы, позволяющие часто без колебаний трансгрессировать, т.е. приспособливать под свои нужды чужие культурные паттерны.

Но в отдельных случаях от Чужого ожидают не только возможности позаимствовать у него ряд его культурных ценностей, заимствовать его вестиментарную или алиментарную традиции, язык, хозяйственные приемы и т.д. Новый поселенец на символическом уровне ожидает от Чужого нечто большего, очень часто превращая его в экстраординарную личность, приписывая ей исключительные качества. Именно Чужой, как другой, непохожий на основную массу населения, мыслится как личность, способная справиться с исключительной проблемой, такой, какая обычному человеку непосильна. Конечно в семантике и стилистике образов Другого и Чужого много различий, но есть и масса общего. Иногда вообще невозможно провести точную грань между ними. Как например можно проклассифицировать главного героя комиксов группы Марвели кинематографической трилогии Блейда: является ли он Другим или Чужим? Где эта граница кардинальной инаковости, отделяющей эти два различных состояния героя. Начнем с того, что главный герой – чернокожий. Для героя комиксов, появившегося в 1973 году, т.е. в период, когда расовые различия еще играли существенную роль в сознании американцев, он конечно был Чужим и даже антигероем [9, с. 177]. В переписке автора с издателем автор называет его «кроликом из джунглей», а редактор предлагает избавиться от него, пока он не разорил журнал [9, с. 177]. К этому следует добавить и тот факт, что Блейд, или как его настоящее имя, Эрик Брукс – необычный человек, а наполовину вампир (дхампир). Но сражается он на сторону людей, стремясь отомстить вампирам за смерть своей матери [10, с. 40]. И если в начале своего литературного воплощения он определенно был Чужим, то к появлению этого героя Блейд постепенно переключался в разряд Других. Он – Другой, но стоящий на страже людей. Но он предстает Другим и для вампиров, и даже не в том плане, что он наполовину человек, его инаковость определяется еще и его способностью находиться под солнечными лучами, что кардинальным образом отличает его от вампиров – существ, боящихся солнечного света. Образ Блейда, трансформировавшись под влиянием новой культурной ситуации в США, одновременно сам оказал огромное влияние на эту культуру. Но как бы не проклассифицировали Блейда, он в любом случае оказывается Героем, и эта его героичность проистекает именно из его инаковости, оказывающей со временем огромное влияние на культуру США [6, с. 90-91].

К слову сказать, мир американского комикса полностью состоит из этих иных героев, которые постоянно перетекают из состояния Чужого в состояние Другого, и наоборот. Но все они в любом случае иные, т.е. кардинальным образом отличающиеся от культурного мейнстрима.

Однако, не только в комиксах XX в. герой оказывался Чужим. Подобную ситуацию мы можем наблюдать по американской культуре XIX в., когда и формируется

образ народного героя, будь то реального, будь то вымышленного. Различные нарративы этого периода просто изобилуют всякого рода героями, представляющими собой Чужого или Другого. По сути, народный герой на Диком Западе – это всегда Другой, и нередко Чужой. Его инаковость обусловлена самыми разнообразными факторами: его национальностью, биографией, исключительными способностями или исключительной силой. Очень часто тонкая грань между гротеском и реальностью стирается и уже просто невозможно отличить правду от вымысла. Хотя, конечно, образ этого Героя, как правило, строится на гротеске. Он обладает гротескным телом (по М. Бахтину), нередко творит новое пространство, может обуздать природные силы и т.д. Да и сам он символизирует природу. Типичным примером может служить фольклорный персонаж Пекос Билл. Он, наподобие киплингского Маугли, воспитан койотами, Пекос Билл смог заарканить тайфун, ездит он на коне, прозванном «Делатель Вдов», так как никакой ковбой не может усидеть на нем. Но способен он оседлать и ездить на пуме или на огромном синем быке[5]. Его подруга – Косолапка Сью (Blue-Foot Sue) – под стать ему. Как и Пекос Билл, она также представляет собой гротескный персонаж, появляется она верхом на огромном соме, плывущем по Рио Гранде, падая с лошади Пекоса Билла, она ни только не погибает (хотя, как мы уже говорили коня Пекоса Билла называли «Делатель Вдов»), но отскакивает от земли и ударяется головой о Луну[8; 4. С. 20-24].

Нередко, и имя главного героя говорит о его неанглосаксонском происхождении. Среди подобных героев можно назвать Поля Баньяна, Феболда Феболдсона, Антонайна Бараду, Джо Магарача, Джона Хенри и некоторых других.

И хотя некоторые из перечисленных фольклорных героев являются псевдонародными, так как за их появлением стоит авторский литературный вымысел, однако, это никак не влияло на их популярность среди народа, превращая их в действительно фольклорных героев. Неудивительно, что именно Чужой становился объектом народного внимания, он в любом случае не был похож на других, а значит и его происхождение, и его жизнь легко превращались в легенду. Не всегда подобный персонаж занимал место в среде героев, он легко мог оказаться и по другую сторону, т.е. стать антигероем или даже превратиться в демона или какого-то мифологического монстра, как это, например, произошло с половецким ханом Бонякой. Этот персонаж из реального исторического персонажа постепенно занял место среди чудовищ и представлялся концу XIX в. ужасным карликом, способным убивать одним взглядом[1, с. 45].

В любом случае и Боняка (Буняка), и герои Среднего и Дикого Запада трансформировались в гротескных героев в силу одних универсальных законов. Но важно то, что, как правило, все эти трансформации оказывались реакцией на встречу с Чужим.

Список используемых источников информации

1. Жданов И. Русский былевой эпос. – СПб, 1895, с. 45;
2. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. – М.: Весь Мир, 2009.
3. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. «Власть Земли»: Формирование новой инаковости в условиях фронта. // Журнал фронтирных исследований, 2016, № 1, с. 9-21. [Режим доступа: электронный текст]. http://jfs.today/publish/publish_16_6_2016_19_50_56/publish16_6_2016_19_50_56.pdf
4. Ashabranner B. Pecos Bill: An Appraisal // Western Folklore, 1952, № 11, p. 20–24.
5. Brown D. M. Pecos Bill: Mythical Hero of the American Cowboy. Tall Tales of the Mighty Hero of the American Cattle Trails and Ranches. – Madison: Wisconsin Folklore Society, 1947.
6. Duncan R., Smith M. J. Icons of the American Comic Book: From Captain America to Wonder Woman, – Santa Barbara, Oxford: ABC-CLIO, 2013, Т. 1,
7. Irving W. Adventures of Captain Bonneville, or, Scenes beyond the Rocky Mountains of the Far West. – Paris: A. and W. Galignani and Co., 1837.
8. O'Reilly E. 1923. The Saga of Pecos Bill // The Century Magazine, 1923, № 106 (6), p. 826–833;
9. Schoell W. The Horror Comics: Fiends, Freaks and Fantastic Creatures, 1940s-1980s. – Jefferson, NC: McFarland, 2014.
10. The Marvel Comics Encyclopedia. A Complete Guide to the Characters of the Marvel Universe. – N.Y.: DC Publishing, 2006.

Якушенкова О.С.

Телесные модификации как реакция на встречу с Чужим

Астраханский государственный университет
(Россия, Астрахань)

doi: 10.18411/spc-26-10-2016-07

idsp: 000001:spc-26-10-2016-07

Статья подготовлена при поддержке РГНФ 15-03-00402 «а» Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации

Тело человека, вопреки распространенному мнению, принадлежит не только ему самому. Тело подвергается активному контролю со стороны государства и социума и по сей день остается одним из базовых механизмов воздействия на личность. Как полагал М. Фуко, смертная казнь – ничто иное, как карательный захват тела или своеобразный перформанс, скрывающий стремление политического аппарата взять верх над человеком, если он не может сделать это другим способом [2]. Воспитывая человека, общество настаивает на необходимости так или иначе обуздывать его тело, и временами это стремление приобретает вполне физические очертания.

Телесные модификации в той или иной форме могут быть найдены в любой культуре, и, хотя это словосочетание нередко ассоциируется в первую очередь с традиционными культурами, они распространены повсеместно. При этом те телесные практики, к которым мы привыкли в нашей культуре, могут быть абсолютно табуированы в другой.

Под телесными модификациями подразумеваются различного рода практики, которые могут включать в себя как глобальное вмешательство в телесность, такое как татуирование, скарификацию, имплантацию, пирсинг, ампутацию, деформацию отдельных частей и т.д., так и менее радикальные проявления в виде покраски волос и ногтей, удаления волос, нанесение смывающего рисунка или макияжа и т.д. [5, с. XII]. Некоторые общества при этом предполагают, что, только пройдя через определенные процедуры, направленные на преобразование тела, человек может считаться полноценным членом социальной группы. Иными словами, телесные модификации в некоторых случаях могут выступать специфическим средством, с помощью которого общество отделяет Своих от Других\Чужих. Нередко данная связь выстраивается посредством обряда инициации. Одним из примеров подобного могут служить губные пластины, которые вставляются девочкам из племени сури, после того как им удаляют нижние передние зубы. Данная пластина превращает ее в желанную невесту, а диаметр диска определяет размер свадебного выкупа.

Многие племена использовали в качестве элемента утверждения племенной идентичности татуировку. Китайские народности дай и дулуны также практиковали нанесение татуировки как часть ритуала инициации. Изучая происхождение обычая у дулунов, некоторые исследователи пришли к выводу, что это был своеобразный способ защиты женщин от нападения чужаков и их похищения [6, с. 178].

Говоря о татуировках, стоит упомянуть и типичную для народности маори татуировку та-моко, которая является своеобразным текстом, описывающим положение человека в обществе, его гендерную идентичность, порядок рождения и т.д. Ее особенность заключается еще и в том, что она включает в себя также элемент скарификации, практики нанесения узора путем создания шрама, т.е. та-моко является «объемной» татуировкой. Скарификация была также распространена у многих народов. Ее активно использовали уже упомянутые выше сури, батеке, бангу, тив и многих других [7, с. 154]. Социальная идентичность может выстраиваться и на удалении определенных частей или участков тела (в частности, мужское обрезание у мусульман и иудеев, и женское обрезание, практикующееся у многих африканских племен, а также у

австралийских аборигенов). Некоторые австралийские аборигены практикуют ампутацию фаланги мизинца у женщин как часть брачного ритуала, призванного отпугнуть «конкурентов» [7, с. 112].

Подобные телесные практики были призваны обеспечить идентификацию со Своими в противовес Чужим или Другим, которые не могут пройти данную практику по тем или иным причинам, причем «Чужим» здесь может выступать как представитель иного племени, так и злой дух, или маргинальный элемент внутри общества. Интересно, что некоторые ученые отмечают распространение обрезания у племен западной Австралии, не практиковавших генитальных операций до прихода европейцев [1, с. 76].

Мы упоминали выше, что телесные практики могут служить элементом, отдаляющим нас от Чужого. Однако, стоит также отметить, что существует и иной вариант использования модификаций, а именно как попытка приблизиться к Чужому. Подобное стремление сблизиться с Чужим нашло отражение в том факте, что в конце XIX – начале XX вв. многие европейцы, приезжавшие в Японию, попадали под очарование японской татуировки ирэдзуми. Здесь достаточно лишь упомянуть, что сохранились свидетельства наличия подобных татуировок у европейской правящей элиты того периода, в том числе Николая II [5, с. 168]. Ассоциирующиеся с теми или иными племенами татуировки сейчас постепенно теряют свое первоначальное значение, становясь элементом уже «нашей» культуры. С середины 80х годов XX в. в моду вошли татуировки, вдохновленные так называемым стилем tribal, т.е. имитацией традиционных татуировок различных народов [4, с. 89].

Стремление приблизиться к Чужому может привести и к более глобальным телесным трансгрессиям (т.е. преодолениям традиционных культурных паттернов), а именно к ксеноморфизму. В частности, здесь стоит упомянуть такую японскую субкультуру как «гяру» (от англ. girl), представительницы которой выглядят подчеркнuto чуждо, если сравнивать их с традиционными японскими стандартами красоты. Данное движение зародилось в 90х, и включало в себя стремление к более «европейскому» облику – девушки обесцвечивали и завивали волосы, использовали голубые линзы. Интересно, что они также использовали автозагар, хотя в традиционном японском обществе загорелая кожа считается непривлекательной. Как отмечают некоторые исследователи, гяру, воплотившие собой общий для молодежи «бунт» против традиционных ценностей, в итоге становятся причиной общекультурного сдвига [8, с. 205]. Более экстремальный стиль гяру – гангуро (букв. «черное лицо») пошел еще дальше в своем стремлении приблизиться к Чужому, поскольку при максимальной степени загара они напоминают мулаток. Стремление приблизиться внешне к Чужому (в данном случае африканцам\афроамериканцам) в Японии получило распространение также и благодаря росту популярности хип-хопа и породило целые поколения «blackwannabe» (т.е. хочу быть как Черные) [3, с. 228].

Однако автозагар и яркая косметика – это не единственный способ стереть расовые границы, не позволяющие в полной мере соответствовать чужим идеалам красоты. С развитием медицины в этом порыве на помощь приходит пластическая хирургия. В азиатских странах активно проводятся операции по стачиванию скул и эпикантопластика (т.е. операция над эпикантусом, так называемой «монгольской складкой»), заставляющие лица выглядеть более «европейскими». В России же, например, проводятся обратные операции – по подъему уголка глаза, имитирующие «восточный» взгляд.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что встреча с Чужим приводит к двум основным типам телесных трансгрессий. Первый тип призван отделить нас от Чужого, создавая как можно более плотные границы между нами и гипотетическими Ими. Подобного рода телесные практики нередко находят воплощение во всевозможных ритуалах перехода, с которыми так или иначе сталкиваются все члены общества. Второй тип телесных трансгрессий идет в противоположном направлении и выражается в стремлении максимально приблизиться к Чужому. Этот ксеноморфизм особенно сильно

проявился в современном мире и явился следствием глобализации и развитием технологий, позволяющих все большему количеству людей преодолевать границы традиционной культуры и даже расы.

Список используемых источников информации

1. Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван: и-во АН армянской ССР, 1983.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождениетюрьмы. –М.: Ad Marginem, 1999.
3. Bridges W. H. IV, Cornyetz N. Traveling Texts and the Work of Afro-Japanese Cultural Production: Two Haiku and a Microphone. – Lanham: Lexington Books, 2015.
4. DeMello M. Bodies of Inscription: A Cultural History of the Modern Tattoo Community. – Durham: Duke University Press, 2000.
5. DeMello M. Encyclopedia of Body Adornment. – Westport: Greenwood Press, 2007.
6. DeMello M. Inked: Tattoos and Body Art around the World. VI. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2014.
7. Favazza A.R. Bodies Under Siege: Self-mutilation and Body Modification in Culture and Psychiatry. – Baltimore: JHU Press, 1996.
8. Kiuchi Y., Villaruel F. A. The Young Are Making Their World: Essays on the Power of Youth Culture. – Jefferson: McFarland & Company, 2016.

Научное издание

**Научный диалог:
Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник научных трудов, по материалам
международной научно-практической конференции
26 октября 2016 г.

SPLN 001-000001-0058-BH

Подписано в печать 04.11.2016. Тираж 400 экз.
Формат 60x84 1/16. Объем уч.-изд. л. 1.6
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович